

**ИЗ ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ ИДЕИ МЕЖСЛОГОВОГО
ПРЕОБРАЗОВАНИЯ <E>O>**

Истоки гипотезы умлаутного преобразования <e>o> восходят к началу XIX в. А.Х. Востоков ещё в 1808 г. в грамматических примечаниях к книге И.М. Борна «Краткое руководство к российской словесности» вывел зависимость произношения *e* от ударения и от последующего мягкого или твёрдого слога: «Когда *e* имея над собой ударение стоит пред какою-либо согласною последуемою дебелыми гласными: *a, o, y, ъ, ы*; то всегда произносится как *io*. Когда же, хотя и имеет ударение, но стоит пред согласною за которою следует тонкая *e, и, ъ, Э, ю, я*; то всегда как чистое *e* произносится — без ударения же всегда как чистое *e* произносится» [1, с. 2]. Об этом ведётся рассуждение в «Русской грамматике» А.Х. Востокова: «*e* с ударением произносится как *io*,

а после *ж, ц, ч, ш, щ*, как *о*, в нижеследующих случаях: 1. Когда стоит пред согласными, за которыми следуют дебелая гласная *а, о, у, ы* и полугласная *ѣ*; напр. *береза зеленая* (*бері́о́за зелі́о́ная*), *желтый ленъ* (*жолтый лі́о́нь*), *денекъ* (*дені́о́къ*), *кружокъ* (вместо *кружек*), *щотка* (вместо *щетка*)...» [12, с. 355–356] и у Г.П. Павского: «По правилам гласная *ѣ* должна произноситься за *е*, когда в следующем за нею слоге находится мягкая гласная или *ѣ*, а за *јѣ*, когда твёрдая» [10, с. 133].

А.Х. Востоков принадлежал к тому периоду развития лингвистической науки, когда учёные различали звуки и буквы непринципиально, и поэтому его понимание перехода не удовлетворило исследователей русского языка. Но если данному объяснению придать исторический характер и перенести его из современного состояния, орфография которого отразила «вчерашний день» произношения, на более древние этапы развития языка, то мысль о зависимости произношения [*е*] от гласного последующего слога представляет определённый интерес и заслуживает внимания.

А.А. Шахматов отмечает, что Ф.Ф. Фортунатовым было впервые высказано предположение о звучании общеславянского *е* как *ѣ* в положении перед слогом с гласной непереднего ряда, и, развивая взгляды Ф.Ф. Фортунатова, причину перехода «*е*>*ѣ*» описывает так: «Изменение *е* в *ѣ* после *ј* и смягченных согласных явилось в результате диссимиляционного процесса, задерживавшегося присутствием гласной переднего ряда в следующем за тем слоге» [13, с. 8].

Идея регрессивной ассимиляции гласных нашла своё отражение в работах Е.Д. Поливанова [11] и И.Г. Добродомова [3, с. 177–178]. И.Г. Добродомов увидел в данном явлении взаимодействие гласных, указав на заместительное продление и лабиализацию гласного [*е*] под влиянием исчезающего [*ѣ*] последующего слога. При этом учитывался параллельный процесс развития нового *Э* из [*е*] в говорах, лёгших впоследствии в основу украинского языка.

С.С. Высотским [2, с. 5–82], В.В. Колесовым [8, с. 14–20], Л.Л. Касаткиным [5, с. 57–74; 7] и другими исследователями был поднят вопрос о возможном межслоговом влиянии гласных в ряде севернорусских говоров, так как материал этих говоров показал диалектную черту, оригинальную в типологическом отношении. В описанных учёными говорах отсутствует противопоставление согласных по твёрдости-мягкости и представлен редкий случай комбинаторного воздействия со стороны гласного.

Изучая говоры Слободского сельсовета Харовского района и Кожуховского сельсовета Биряковского района Вологодской области, Л.Л. Касаткин обнаружил, что эти говоры, как и другие вологодские, кировские и соседние с ними говоры Ярославской, Костромской и Горьковской областей, сохраняют некоторые древние особенности фонетической системы русского языка. Традиционно переходы [*ѣ*>*и*], [*ѣ*>*е*] объяснялись мягкостью последующего согласного, но если твёрдость-мягкость согласного подчинена следующему гласному, не самостоятельна, позиционно обусловлена, то она не может сама по себе воздействовать на предшествующий гласный. Процессы [*ѣ*>*и*], [*ѣ*>*е*]

были вызваны не мягкостью следующего согласного, а следующим гласным переднего ряда, оба эти изменения — результат уподобления, ассимиляции гласных в предыдущем соседнем слоге: *н'ѣл'и, ѡм'ѣст'и, с'ѣет, хот'ѣл'и, кр'ѣтъ'е, над'ѣѣс, ѡ л'ѣс'е, н'ѣсн'и, ѡн'ѣи'ковъ, др'ѣн'и, гр'ѣз'и, н'ѣт'ѣ*. Перенос по аналогии произошёл в словах, в которых после [e] стоял твёрдый согласный и уже не было следующего гласного переднего ряда: *ѡзет, затопл'ѣт, гул'ѣт, сѣт (сѣдь), м'ѣт, оставл'ѣт, загон'ѣт, нетороп'ѣс, прес (прѣсть), изм'ѣт* [6, с. 32–41].

Случаи перехода <e>o>, отмеченные Л.Л. Касаткиным, интересны с точки зрения механизма действия. В этих говорах сохранились древние условия преобразований [ĕ>u, ä>e] перед слогами с бывшей переднерядной огласовкой, [e>o] перед слогами с гласными заднего ряда и механизм действия — межслоговая регрессивная ассимиляция гласных по ряду.

Отмечаем аллофонное изменение по признаку нерелевантному для данной системы; перед твёрдыми слогами или в конечном ударном слоге фонема <e> получают лабиализацию:

1) становится дифтонгом [eʃo], перед [eʃo] согласные «ведут себя» так же, как перед [e]: они полумягкие — *повед'еʃо'т, ид'еʃо'т, т'еʃо'мнаѣа, т'еʃо'ркой, пр'ид'еʃо'т, од'еʃо'жа, забер'еʃо'м, вд'еʃо'рнула, ид'еʃо'ш, оз'еʃо'ра, намн'еʃо'ш, пойд'еʃо'т, дн'еʃом*; перед [eʃo] мягкие согласные встречаются гораздо реже — *кост'еʃо'р, ид'еʃо'т, ден'еʃо'к, бр'еʃо'вна, сер'еʃо'тка, в'еʃо'дра, нап'ек'еʃо'т, хм'ел'к'еʃо'м*. «Современные диалектные данные позволяют высказать предположение, что в древнерусском языке некоторые гласные фонемы реализовались дифтонгами. Так фонемы <ѣ, ѡ, е, о> могут быть представлены дифтонгами [нѣ, уѣ, еѣ, оѣ] во многих современных архаических говорах. В севернорусских говорах, не развивших противопоставление согласных по твёрдости-мягкости и сохранивших противопоставление гласных по ряду, на месте фонем <а̃, о̃, у̃> выступают дифтонги [еѣа, еѣо, нѣу]. В архаических южнорусских говорах на месте <а, о, у> после мягких согласных произносятся дифтонги [нѣа, нѣо, нѣу]. История русского вокализма связана с монофтонгизацией дифтонгов, начавшейся ещё в праславянский период и не закончившейся в некоторых русских говорах и до сих пор» [7, с. 41];

2) дифтонгондом [eʃo]: *мат'еʃо'рой, раст'еʃо'т, мет'еʃо'ш, з'еʃо'рнышком, намн'еʃо'м, пр'ед'еʃо'м, пройд'еʃо'т, вес'еʃо'ло, ст'еʃо'кла, спл'ет'еʃо'м, мн'еʃо'ш, гн'еʃо'т, убер'еʃо'т, ов'еʃо'с, тр'еʃо'шник, тоѣк'еʃо'м, сек'еʃо'ш* (перед [eʃo] случаев с мягкими согласными больше);

3) монофтонгом [o]: *в'ер'ет'о'на, придет'о', дад'ит'о', д'он, ѡд'орнут, ид'о'ш, д'о'сны, с'о'стры, гн'о'зда, за н'о'ѣ* (перед [o] почти исключительно произносятся мягкие согласные), тогда как перед мягкими слогами такой лабиализации не происходит: *т'еʃо'тка — т'ѣт'а, с'еʃо'ло — с'ѣл'ѣ* [5, с. 57–74; 6, с. 24–25].

В описанных Л.Л. Касаткиным говорах имеется различие по ряду, различие гласных по лабиализованности-нелабиализованности не наблюдается. Новые звуки [eʃo], [eʃo], [ö] и исконный [o] продолжают выступать как пред-

ставители разных фонем, в положении перед твёрдым слогом [*eʃo*], [*ʲo*], [*ɔ*] являются аллофонами фонемы <е> — *клад·eʃoʹm*, *раст·ʲoʹm*, *бер·ɔʹzu*. Конвергенции не происходит, потому что всё зависит от того, какой признак системы является признаком различения, то есть фонемным. До падения <ь> и <ѣ>, развития противопоставления согласных по твёрдости-мягкости и дефонологизации зоны образования фонемным был признак ряда у гласных. Этот признак остался таковым и для тех говоров, в которых сохранялись древние особенности фонологической системы (при отсутствии противопоставления согласных по твёрдости-мягкости отмечается аллофонное изменение [*e>ɔ*]). В результате разложения syllabемы возникает избыточное дублирование признака диезности, а это может привести к двум изменениям былой консонантно-вокалической системы: «Если признак диезности сохраняли гласные, то согласные нейтрализовались, категория твёрдости-мягкости у них не развивалась, а следовательно, перехода гласного переднего ряда в задний ряд не произошло» [9, с. 156]. В переходе участвует недифференциальный релевантный признак и соответственно отсутствует выравнивание форм по парадигме. Поэтому отмечается расхождение в составе фонем разных словоформ одного и того же слова, обобщение по признаку лабиализации фонемы <о> не происходит, так как только дифференциальный признак способен производить выравнивание по аналогии. Как подчёркивает Л.Л. Касаткин, в системе корочуновского говора Слободского сельсовета Харовского района наряду с дифференциальными признаками передний-непередний ряд возникают дифференциальные признаки твёрдость-мягкость согласных. Развитие мягкости согласных перед [*o*] связано с монофтонгизацией дифтонга [*eʃo*], а изменение [*eʃo*] в [*ʲo*] вызывается тем, что начальная фаза дифтонга уже осознаётся как признак согласного — его мягкость [7, с. 28].

Материалы об изменении <е> в говорах Слободского сельсовета Харовского района и Кожуховского сельсовета Биряковского района Вологодской области служат важным источником для исторической реконструкции фонемы <е>. В описанном говоре отмечен процесс дивергенции старой фонемы <е> на аллофоны: 1) [*ɔ*] и переходные звуки типа [*eʃo*], [*ʲo*], [*oʲ*] перед твёрдыми слогами и 2) [*ɛ*] и [*eʃu*], [*ɛʲ*] перед палатализованными или палатальными слогами. С формированием противопоставления согласных по твёрдости-мягкости в этой системе появляется возможность для процесса конвергенции, слияния аллофонов фонемы <е> с <о> и <ѣ>. Материал корочуновского говора свидетельствует о переходном и заключительном этапах изменения фонемы <е>.

Анализ диалектного материала подтверждает, с одной стороны, описанный в середине XIX века механизм изменения <е> > <о>, с другой стороны, и наши выводы о том, что в результате дивергентно-конвергентных преобразований <е> > <о> и <е> > <ѣ> старая фонема <е> потеряла свою фонематическую самостоятельность [4, с. 126-131].

ЛИТЕРАТУРА

1. Борн, И.М. Краткое руководство к русской словесности. — СПб., 1808. — С. 2.

2. Высотский, С.С. Определение состава гласных фонем в связи с качеством звуков в севернорусских говорах / Очерки по фонетике севернорусских говоров. — М., 1967. — С. 5–82.
3. Добродомов, И.Г. О переходах е в о в русском языке / Проблемы общего и русского языкознания. — М., 1972. — С. 172–181.
4. Измestьева, И.А. К вопросу о судьбе <е> в русском языке // Вестник Минского государственного лингвистического университета. Серия 1 «Филология». — Минск, 2012. — № 2(57). — С. 126–131.
5. Касаткин, Л.Л. Гласные одного вологодского говора, не знающие противопоставления согласных по твёрдости-мягкости / Исследования по русской диалектологии. — М., 1973. — С. 57–74.
6. Касаткин, Л.Л. Русский диалектный консонантизм как источник истории русского языка. Пособие по спецкурсу. — М., 1984.
7. Касаткин, Л.Л. Одна из тенденций развития фонетики русского языка // Вопросы языкознания. — М., 1989. — № 6. — С. 39–45.
8. Колесов, В.В. Функциональная система вокализма в традиционных северновеликорусских говорах / Вопросы изучения севернорусских говоров и памятников письменности. Материалы к межвузовской научной конференции. — Череповец, 1970. — С. 14–20.
9. Котельников, В.К. Причины и механизм перехода е в о // Фонология. — Тамбов, 1982. — С. 138–158.
10. Павский, Г.П. Филологические наблюдения над составом русского языка. Первое рассуждение. — СПб., 1841. — С. 133.
11. Поливанов, Е.Д. Причины происхождения Umlaut'a // Сборник Туркестанского восточного института в честь проф. А.Э. Шмидта. — Ташкент, 1923. — С. 120–123.
12. Русская грамматика Александра Востокова, по начертанию его же сокращенной грамматики полнее изложенная. — СПб., 1831. — С. 355–356.
13. Шахматов, А.А. Очерк древнейшего периода истории русского языка // Энциклопедия славянской филологии. Вып. 1, ч. 2. — Пг., 1915.